

КНИГИ, О КОТОРЫХ ГОВОРЯТ

ПРОЗВИТЕЛЬНО

ХИЖИНА

The Shack

УИЛЬЯМ ПОЛ ЯНГ

*При участии Уэйна Джекобсена
и Брэда Каммингса*

БОМБОРА
ИЗДАТЕЛЬСТВО

УДК 821.111-3(73)
ББК 84(7Coe)-44
Я60

William Paul Young
THE SHACK

© 2007 by William P. Young
This translation published by arrangement
with Windblown Media, Inc. All rights reserved.

Янг, Уильм Пол.
Я60 Хижина / Уильм Пол Янг ; [пер. с англ.
Д.П. Яковлева]. — Москва : Эксмо, 2025. —
384 с. — (Книги, о которых говорят).

ISBN 978-5-699-90022-0

26 издательств отказались от рукописи «Хижины». 27-е рискнуло и уже за первый год продало 5 000 000 экземпляров! Книга — феномен в истории книгоиздательства.

Семейный турпоход закончился трагедией: у Мака пропала младшая дочь. Вскоре в орегонской глуши, в заброшенной хижине, было найдено свидетельство ее вероятной гибели от рук маньяка.

Четыре года спустя так и не смирившийся с утратой отец получает подозрительное письмо, якобы от самого Господа Бога, с советом посетить ту самую лачугу. После долгих колебаний Мак решает на путешествие, которое вдрызг разобьет его представления о природе вещей...

УДК 821.111-3(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-699-90022-0

© Яковлев Д.П., перевод
на русский язык, 2016
© Оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2025

Эта история была написана для моих детей:

Чеда – Тихого Омута;

Николаса – Чуткого Исследователя;

Эндрю – Добросердечной Привязанности;

Эми – Знающей Радости;

Александры (Лекси) – Сияющей Силы;

Мэттью – Наступающего Чуда.

И посвящается,

во-первых:

Ким, моей Возлюбленной,

благодарю тебя за то,

что спасла мне жизнь,

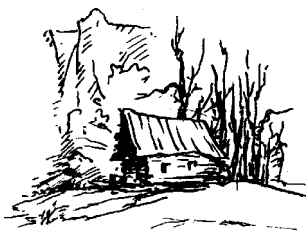
во-вторых:

«... всем нам,

блуждающим во тьме,

кто верует в Любовь.

Восстань, и пусть она сияет».

Предисловие

Кто не усомнился бы, услышав утверждение, будто некто провел выходные с Богом, и не где-нибудь, а в заброшенной хижине?

Я знаком с Маком чуть больше двадцати лет, с того дня, когда мы оба пришли на помощь соседу, чтобы собрать в тюки сено, которое он заготовил для пары своих коров. С тех пор мы с Маком, выражаясь на молодежном жаргоне, тусуемся вместе, пьем кофе — хотя в моем случае это обжигающий чай. Общение приносит нам удовольствие, оно окрашено радостью, но порой в уголке глаз блеснет слезинка. Откровенно говоря, чем старше мы становимся, тем больше тусуемся, если вы понимаете, что я имею в виду.

Его полное имя Макензи Аллен Филлипс, хотя многие знакомые зовут его Алленом. По семейной традиции мужчинам всегда дают одинаковое первое имя, поэтому люди обычно знают их под вторым именем, вероятно, чтобы избежать манерного обозначения цифрами I,

II, III или добавления уточнений вроде «младший» и «старший». Подобные имена хороши для персонажей телерекламы, в особенности для тех, кому нравится изображать близкого друга. Таким образом, он сам и его дед, отец, а теперь и его старший сын носят имя Макензи, но обычно к ним обращаются по второму имени. Лишь Нэн, его жена, да ближайшие друзья называют его Маком (впрочем, несколько раз я слышал, как посторонние люди кричали: «Эй, Мак, где ты учился водить машину?»).

Мак родился на Среднем Западе, в семье фермеров с ирландскими корнями. В семье с детства приучали к физическому труду и строгим правилам в быту. Его отец хотя и служил церковным старостой, нередко уходил в запой, особенно в засушливое время или когда дожди случались слишком рано, а также в перерывах между засухой и дождями. Мак о нем почти ничего не рассказывал, но если все-таки заводил разговор на эту тему, то его лицо становилось непроницаемым, а взгляд — потухшим. По обрывкам его рассказов я понял, что его отец не относился к тем добродушным алкоголикам, которые, напиваясь, со счастливой улыбкой заваливаются спать; напротив, напившись, он сначала избивал жену, а потом просил у Бога прощения.

Переломный момент в жизни семьи наступил после одной исповеди. Тогда тринадцатилетний Макензи без всякого желания с его стороны согласился пойти к священнику. Поддавшись сиюминутному порыву, он со слезами покаялся, что ни разу не попытался защитить мать, когда отец нещадно бил ее. Увы, Мак не принял во внимание, что священник молился вместе с его отцом. Вернувшись домой, мальчик увидел, что отец уже поджидает его на крыльце, а мать и сестры подозрительно отсутствуют. Позже он выяснил, что их отправили к тетушке Мэй, чтобы отец мог надлежащим образом привить непокорному сыну уважение к старшим. Отец привязал Мака к большому дубу и почти два дня наставлял его то ремнем, то чтением Библии, а едва протрезвев, снова прикладывался к бутылке.

Спустя две недели, как только Мак встал на ноги, он ушел из дома. Но накануне насыпал крысиного яда во все бутылки со спиртным, какие ему удалось отыскать на ферме. Затем он выкопал из тайника возле отхожего места небольшую жестяную коробку, в которой хранил свои сокровища: семейную фотографию, на которой все щурились, потому что слепило солнце (отец стоял в сторонке от остальных); бейсбольную карточку с Люком Истером за 1950-й год, когда началась карьера этого игрока; флакончик с остатками духов «Ма

Грифф» (единственные духи, какими пользовалась его мать); катушку ниток с парой иголок; серебристую литую модель самолета «F-86» ВВС США и накопления всей его жизни — пятнадцать долларов и тринадцать центов. Пока отец похрапывал после очередной попойки, он тайком проник в дом и сунул под подушку матери записку. В ней было написано: «Надеюсь, когда-нибудь ты меня простишь». Поклялся, что не вернется, и не возвращался — очень долго.

В тринадцать лет трудно прожить в одиночку, но у Мака не было выбора, и ему пришлось приспособливаться. Он редко делился тем, как прожил последние семь лет. Большую часть этого времени он провел в чужих краях, работал и посылал бабушке и деду деньги, чтобы они передали их матери. В какой-то далекой стране, судя по его рассказу, он даже участвовал в вооруженном конфликте и с тех пор люто ненавидит войну. Когда ему было за двадцать, он отправился в Австралию. Там он поступил в семинарию и некоторое время изучал теологию и философию, а затем вернулся в Штаты. Он встретился с матерью и сестрами и вскоре перебрался в Орегон, где познакомился с Нэннетт А. Сэмюэльсон и женился на ней.

В мире рассказчиков Мак — мыслитель и деятель. Он не проронит ни слова, если

только вы не спросите его о чем-нибудь напрямую, чего большинство народа предпочитает не делать. А когда он начинает говорить, в вас зарождается сомнение: уж не пришелец ли это с другой планеты, который человеческие мысли и поступки воспринимает совершенно иначе, чем остальные.

Дело в том, что он обычно чувствовал себя неуютно в мире, где большинство людей способны услышать лишь то, что они хотят слышать, а значит, совсем немного. Те, кто с ним знаком, как правило, относятся к нему неплохо, правда, до той поры, пока он держит свои мысли при себе. Но даже когда он начинает говорить, дело совсем не в нем — просто в них пробуждается недовольство собой.

Мак как-то сказал мне, что в молодости он был более открытым, но со временем понял, что подобные разговоры служили лишь защитной реакцией; часто разговор заканчивался тем, что он выливал свою боль на окружающих. Он говорит, что указывал людям на их недостатки и, уничижая других, возвеличивал себя, испытывая при этом ложное чувство собственного превосходства и власти над ними.

Пишу эти строки и мысленно представляю себе Мака таким, каким знал его: обычный человек, внешне ничем не примечательный для тех, кто не знает его по-настоящему. Ему скоро стукнет пятьдесят шесть; это чуть полноватый,

лысеющий, невысокий белый мужчина. Вы, вероятно, даже не обратите на него внимания и не заметите ничего необычного, сидя рядом с ним в автобусе, пока он дремлет во время своей еженедельной поездки в город на деловую встречу. В основном он работает в своем маленьком кабинете дома, на Уайльдкэт-роуд. Он продает какие-то товары из сферы высоких технологий и технических новинок — не стану даже притворяться, будто что-то смыслю в том, — которые непостижимым образом ускоряют жизнь, словно жизнь недостаточно быстротечна.

Вам невдомек, насколько Мак умен, пока вам не доведется услышать его разговор с каким-нибудь специалистом. Я однажды присутствовал при подобной беседе: его язык вдруг стал мало похожим на разговорный, и я поймал себя на том, что усиленно пытаюсь уловить ход его мысли, которая разливается, словно река по драгоценным камням. Он в состоянии поддержать разговор практически на любую тему, и хотя вы понимаете, что у него есть твердые убеждения, он ведет себя столь деликатно, что позволяет вам оставаться при своем мнении.

Его излюбленные темы — Бог и Творение, а еще почему люди порой слепы. Глаза его загораются, опущенные уголки губ в улыбке поднимаются кверху, а обычное усталое вы-

ражение лица исчезает; он становится похожим на маленького мальчика, который не скрывает своих эмоций. В то же время он не фанатичен. Пожалуй, его отношение к религии и, возможно, даже к Богу можно охарактеризовать двумя словами: любовь-ненависть. Вполне возможно, что даже Бога он считал высокомерным и отрешенным. Сдержанность Мака порой давала сбои, и тогда выступали шипы сарказма; они были похожи на острые дротики, отравленные ядовитым источником, спрятанным глубоко внутри него. Хотя мы оба посещаем по воскресеньям одну и ту же церковь с ее традиционными скамьями и пюпитрами (церковь Пятьдесят пятой независимой ассамблеи святого Иоанна-крестителя, как мы ее называем), я вижу, что ему там не по себе.

Мак прожил с Нэн больше тридцати по большей части счастливых лет. Он говорит, что Нэн спасла ему жизнь и дорого заплатила за это. По какой-то неведомой мне причине, она, по-видимому, любит его сейчас даже сильнее, чем раньше. Впрочем, мне кажется, что в молодости он сильно чем-то ее обидел. Многие наши обиды пронизывают взаимоотношения, и я знаю, что прощение остается незаметным для сторонних наблюдателей.

Как бы то ни было, Мак женат. Нэн, подобно цементному раствору, скрепляет семейный очаг. Пока Мак сражается в мире, окрашен-

ном в бессчетное количество оттенков серого, она живет в черно-белом мире. Здравый смысл проявляется в ней настолько естественно, что она даже не считает его даром Божиим. Семейные заботы не позволили ей осуществить мечту своей юности и стать врачом, но, работая медсестрой, она преуспела, и ее имя получило известность в медицинских кругах, поскольку она имела дело с особенными пациентами — с неизлечимыми онкологическими больными. И если Маку свойственна широта понимания веры, то Нэн — глубина.

Эти, казалось бы, не очень подходящие друг другу люди произвели на свет пятерых необычайно красивых детей. Мак любит пошутить, что свою красоту они унаследовали именно от него, «поскольку красота Нэн осталась при ней». Двое из трех мальчиков уже живут отдельно: Джон недавно женился и занимается продажами в одной из местных компаний; Тайлер окончил колледж, получил степень магистра, переехал и теперь преподает в школе. Джош и одна из девочек, Кэтрин (Кейт), пока еще живут с родителями и учатся в местном колледже. И последний, поздний ребенок, Мелисса, или Мисси, как мы любили ее называть, она... впрочем, скоро вы узнаете о них куда больше, прочитав эту книгу.

За последние годы Мак очень изменился. Сколько помню, он всегда был мягким и до-

бросердным малым, но после того как три года назад оказался в больнице, он превратился в одного из тех редких людей, с которыми чувствуешь себя особенно уютно, как ни с кем другим. Когда мы прощаемся, меня не покидает чувство, будто только что в моей жизни состоялась самая важная беседа, пусть даже говорил в основном я. А что касается отношения к Богу, то Мак теперь не растекается вширь, а устремлен вглубь. Однако подобное погружение ему обошлось слишком дорого.

Сейчас он ведет себя иначе, не как лет семь назад, когда в его жизни поселилась *Великая Скорбь* и он замкнулся в себе. В то время, словно между нами была негласная договоренность, мы с ним почти не общались. Я изредка встречал его в бакалейной лавке и еще реже в церкви, и хотя мы обменивались дружескими объятиями, но почти не разговаривали. Он даже избегал смотреть мне в глаза, видимо опасаясь затрагивать тему, которая могла растревожить измученную душу.

А нынешние перемены произошли после ужасной трагедии с... Ну вот, я опять забегаю вперед. Всеу свое время. Достаточно сказать, что за последние несколько лет Мак вернулся к жизни и его больше не тянет на дно бремя *Великой Скорби*; в нем зазвучала иная музыка, и я сгораю от нетерпения, когда можно будет исполнить для вас эту мелодию.